

Е. И. Анненкова, Д. Р. Гоперхоева

МОТИВ «...ПРОЕЗДИТЬСЯ ПО РОССИИ» В «ВЫБРАННЫХ МЕСТАХ ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ДРУЗЬЯМИ» Н. В. ГОГОЛЯ И ПУТЕВЫХ ЗАПИСКАХ 1840-х гг. ТРАВЕЛОГ В ШКОЛЬНОМ И ВУЗОВСКОМ ОБУЧЕНИИ

В статье рассматриваются возможности изучения в школьной и вузовской практике жанра путешествия, актуального для отечественной литературы в течение нескольких столетий и в настоящее время активно изучаемого историками литературы. Анализируется семантика мотива, сформулированного Н. В. Гоголем в «Выбранных местах из переписки с друзьями» и вынесенного в заглавие одной из глав («Нужно проездиться по России»), определяется его место в контексте книги, а также значимость этого мотива для общественной и литературной жизни середины XIX в. Анализ путевых записок этого времени свидетельствует о нарастающем интересе к поездкам по родной стране и постепенном уравнивании по значимости путешествий по России с путешествиями по Европе. В работе выявляется, какие содержательные аспекты литературы путешествий могут быть перспективными в образовательном пространстве современной школы: ориентированность травелога на документальность способствует более глубокому пониманию исторического контекста определенного периода, а знакомство с различными произведениями благоприятно повлияет на расширение читательского опыта учащихся.

Ключевые слова: Россия, путешествие, изучение, литературный контекст, травелог, история русской литературы, Н. В. Гоголь, В. Г. Белинский, М. П. Жданов, К. Д. Ушинский, С. П. Шевырев.

E. Annenkova, D. Goperkhoeva

THE THEME “...TO TRAVEL ACROSS RUSSIA” IN “THE SELECTED PASSAGES FROM CORRESPONDENCE WITH FRIENDS” BY N. V. GOGOL AND NOTES OF A JOURNEY OF THE 1840S: TRAVELOGUE IN SECONDARY AND HIGHER EDUCATION

The paper discusses the opportunities for studying the travelogue genre, which was popular in Russian literature over several centuries and is now being actively studied by literary historians, in secondary schools and higher education institutions. The author attempts to analyse the semantics of the theme formulated by Nikolai Gogol in “The Selected Passages from Correspondence with Friends” and used as the title for one of the chapters (“One has to travel across Russia”), and to define the motive’s place in the context of the book and the importance of this motive for public and literary life in the mid-19th century. The analysis of the travelling notes of the time confirms an increasing interest in taking journeys around the native land and a gradual establishment of balance between the importance of travelling across Russia and travelling across Europe. The paper highlights substantial aspects of notes on a journey that can become part of the modern educational space: the focus of a travelogue on documentation provides the reader with a deeper understanding of the historical context of a certain period, and the acquaintance with various works has a positive influence on the expansion of the students’ experience as a reader.

Keywords: Russia, travel, research, literary context, travelogue, history of Russian literature, N. V. Gogol, V. G. Belinsky, M. P. Zhdanov, K. D. Ushinsky, S. P. Shevryev.

«...Мир в дороге, а не у пристани» [9, с. 455] — один из тезисов, важных для Гоголя в 1840-е гг. Писатель нашел некую формулу, которая выражает умонастроение человека Нового времени, одновременно рождая ряд вопросов, поскольку фраза Гоголя содержит в себе и прямой, и метафорический смысл. Путешествие становится своеобразной доминантой культурной и общественной жизни конца XVIII — первой половины XIX (а также, можно попутно отметить, конца XX и первых десятилетий XXI) вв. Но «дорога» может быть прочитана не только как знак стремительных перемещений, новых впечатлений и знакомств, приобщения к неизведанному, но и как путешествие внутрь самого себя, как поиск собственного духовного пути, побуждающий оторваться от привычной «пристани».

Что, прежде всего, стояло для самого Гоголя за этой фразой: «мир в дороге, а не у пристани»? И насколько в образовательном пространстве нашего времени, столь неоднородном и сложном, может быть исследована длительная традиция путешествий с учетом опыта писателя XIX в.?

Поездки в Западную Европу и путешествия по России — два вектора в развитии русского национального самосознания, заявившие о себе достаточно рано и находящиеся в отношениях взаимодополнения и одновременно скрытой полемичности. В. М. Гуминский отмечает, что «хождения» к Святым местам, заявившие о себе в XII–XIV вв., продолжавшиеся и позднее [12, с. 151–166], к концу XVIII и в первой трети XIX в. сменяются путешествиями на Запад: «На смену средневековому типу паломника по Святым местам приходит получивший широкое отражение в русской литературе (в первую очередь, естественно, в литературе путешествий) тип дворянина, путешествующего по европейским культурным центрам. Сакральное пространство Иерусалима и Палестины древнерусских “хождений” заменяется европейским культурным пространством “путешествий” XVIII–XIX веков, Запад ста-

новится для образованной части русского общества “страной святых чудес”, по позднейшей формуле А. С. Хомякова» [12, с. 175]. Действительно, хотя практика поездок в Европу зародилась гораздо раньше [15, с. 22–39], своеобразная сакрализация Западной Европы приходится на вторую половину XVIII и первую половину XIX в. Тем более имеет смысл посмотреть, какое место в культурной и общественной практике той поры имели поездки по России. Предпринимались они с различными целями, хотя в большинстве случаев были вызваны служебной необходимостью. Стоит обратить внимание и на то, насколько эти поездки признавались в качестве путешествия как такового и в какой мере осознавалась необходимость путешествия по родной стране в определенный период, а именно в 1840–1850-е гг. Отдельное внимание нужно уделить «отчетам» об этих поездках — опубликованные путевые записки (травелоги) можно назвать своего рода указателем «осознанности» путешествия по родной стране. Но для понимания контекста стоит обратиться к истории этого явления, рассмотреть, как относились к поездкам по России еще в конце XVIII — начале XIX в., в период, когда европейское путешествие и записки о нем были модным явлением общественной жизни русского общества.

Примечательно, что первые описания путешествий по России принадлежат иностранцам: рассказ о поездке из Москвы в Петербург англичанина У. Кокса (1778) [14], записки об истории России Г. Миллера [17]. Русские дворяне в это время публиковали свои впечатления от поездок по зарубежным странам. Одно из масштабных путешествий по России, среди целей которого значилось и изучение страны, было предпринято Екатериной II в 1787 г. Записки об этом путешествии оставили некоторые участники поездки, например А. В. Храповицкий [22], статс-секретарь императрицы. Также по ее постановлению в исключительно научных целях снаряжались экспедиции для исследования отдаленных районов Российской

империи. Но, как известно, Екатерина II была родом из Пруссии и в Россию приехала в пятнадцатилетнем возрасте, поэтому нельзя сказать, что она отправилась исследовать свою родную страну, однако ее инициатива не могла не сказаться позитивно на развитии интереса к русским путешествиям.

Отсутствие опубликованных описаний путешествий отечественной тематики в начальный период развития литературы путешествий позволяет сделать вывод, что Россия была слишком привычной для русского человека, он не рассматривал ее в качестве интересного объекта наблюдения. Мода на зарубежное путешествие и его описание, установленная в русской литературе Н. М. Карамзиным, прочно утвердила идею, что рассказывать нужно о европейских реалиях или о каких-либо «экзотических» уголках России. Но большое значение имела и практическая сторона дела — поездка не воспринималась как путешествие из-за различных неудобств в дороге. «Дороги в европейском смысле этого слова, как сложное инженерно-техническое сооружение, обеспечивающее быстрое и комфортабельное передвижение колесных транспортных средств, появились в России только во второй четверти XIX века» [5, с. 7].

В начале XIX в. в связи с распространением почтовых служб начали появляться так называемые дорожники. Как правило, это был своего рода путеводитель, содержащий список основных достопримечательностей, хотя опубликованный в 1801 г. «Ручной дорожник» Глушкова [8] представляет собой более сложный текст. Е. Е. Милюгина, М. В. Строганов замечают, что под влиянием «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина «...Глушков едва ли не первым в российской массовой книгоиздательской практике решился совместить воедино три разных жанра: дорожник, городской путеводитель и представительский травелог» [18, с. 24]. Нужно отметить, что существовали и специальные журналы от министерств, посвященные исследованию

России, но они носили преимущественно научный характер. На протяжении первых десятилетий XIX в. путешественники принимают поездки по центральным губерниям и по отдаленным районам Сибири, однако количество опубликованных травелогов нельзя назвать значительным. Повышенного интереса к таким поездкам в русском обществе не наблюдалось, что связано в том числе с приостановкой развития литературы путешествий в 1830-е гг. Но уже к концу этого десятилетия путешествие снова оказывается в центре внимания.

В 1837 г. великий князь Александр Николаевич (будущий император Александр II) отправился в путешествие по России, которое продлилось почти полгода. Сопровождал Александра Николаевича его наставник В. А. Жуковский, который и предложил это путешествие как часть учебного плана наследника престола. Он также описал свои впечатления от поездки в письмах. Николай I, и сам любивший путешествовать по России, так определил главный принцип всей поездки: «Путешествие Наследника имеет двоякую цель: узнать Россию, сколько сие возможно, и дать себя видеть будущим подданным... Я хочу, чтобы Великий Князь совершил путешествие свое с наибольшею пользою; чтобы обозревал все, достойное примечания, с надлежащей точки, чтобы видел вещи так, как они есть, а не поэтически; поэзия в сторону, я не люблю ее там, где нужна существенность; Великий Князь должен знать Россию так, как она есть» [19, с. 470]. Александр должен был получить представление о промыслах, хозяйстве, познакомиться со всеми сословиями и профессиональными группами населения. Можно сказать, что необходимость «проездиться по России» была признана на самом высоком уровне.

Само выражение «проездиться по России» впервые встречается в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя, и хотя в момент выхода книги в свет в 1847 г. она была воспринята неоднозначно, один из тезисов — «нужно проездиться по России» —

оказался понятен и близок: он выразил тенденцию, уже формирующуюся, одновременно намечая и возможные пути осуществления заявленного автором призыва (тем более что для Гоголя он означал не только необходимое для каждого россиянина познание России, но и осмысление себя в России).

Вряд ли случайно в «Выбранных местах...» Гоголь рядом размещает главы, на первый взгляд обращенные к разным темам. Друг за другом следуют: «Четыре письма к разным лицам по поводу “Мертвых душ”», «Нужно любить Россию», «Нужно проехать по России». Русская тема в главе, посвященной поэме, над которой писатель продолжает работать и в 1840-е гг., практически вынесена на первый план, во всяком случае, оказывается неотделима от темы творчества. Упомянув, как были восприняты «Мертвые души», Гоголь сразу переходит к теме, которая его более всего волнует: «...Мы все очень плохо знаем Россию» [9, с. 287]. Собственная, продолжающаяся работа над поэмой, успех или неудача писательского труда увязываются со степенью знания русской жизни.

Писатель удручен безмолвием России. Опубликован первый том поэмы — «и хоть бы одна душа заговорила во всеуслышанье! Точно, как бы вымерло всё, как бы в самом деле обитают в России не живые, а мертвые души» [9, с. 287]. Создается впечатление, что у автора возникает потребность побудить или даже заставить заговорить саму Россию. Писатель полагает, что именно обычные читатели могут указать «все промахи» его «относительно общественных и частных порядков внутри России» [9, с. 295]; каждого он и побуждает совершить, уже вполне сознательно, путешествие «внутрь России», в ту сферу российской жизни, которая ему наиболее близка. Силой, магией собственного слова Гоголь пытается вовлечь своих читателей в тот духовно-творческий опыт, который предпринят им самим в 1840-е гг., но одновременно он погружает их и в процесс самой жизни.

Постижение русской действительности мыслится не только как результат личных усилий писателя, но и как получение, систематизация, осмысление той информации, которой владеют читатели, современники. Диалогическая форма, которую избирает для «Выбранных мест...» Гоголь (главы-письма обращены к тем или иным читателям и с ними ведется мысленный диалог), подразумевала — после выхода книги — и реальный диалог с теми, кто погружен в действительную жизнь, занят «делом самой жизни», как любил говорить Гоголь. Писатель стимулирует своеобразное путешествие в глубины русской жизни читателей, которые на своем служебном или житейском (в том числе семейном) поприще непосредственно с ней соприкасаются и могут нечто ценное о ней рассказать. Корреспонденты Гоголя — «занимающий важное место», «губернаторша», «исторический живописец», «церковный пастырь», «лирический поэт», «русский помещик», «жена в просто домашнем быту» — становятся и героями книги, и, как надеялся писатель, окажутся полезны в том числе для читателей: расширят их понимание русской жизни.

Исследователями давно замечено, что в 1840-е гг. Гоголь воспринимает литературу как жизнеделание [2; 7; 11]. Но важно отметить, что это не остается лишь на уровне понимания, некой интенции; это воплощается в фактуре самой книги. Автор буквально заставляет не только «губернаторшу», «живописца», но и обычного, безымянного и безмолвного, читателя погрузиться в русскую жизнь, в ее плоть, познать ее, и как итог — послужить России. «...У редкого из нас, — замечает Гоголь, — доставало столько любви к добру, чтобы он решился пожертвовать из-за него и честолюбьем, и самолюбьем, и всеми мелочами раздражающего своего эгоизма и положил самому себе в непреложный закон — служить земле свой, а не себе, помня ежеминутно, что взял он место для счастья других, а не для своего» [9, с. 290]. И себя автор «Выбранных мест...» ставит в этот же ряд русских людей, которые

ответственны перед отечеством: «...услышал болезненный упрек себе во всем, что ни есть в России...» [9, с. 291]. Услышав же «упрек», готов «послужить», сориентировав собственное творчество на познание России «нынешней». Рефлексия о России в сознании Гоголя 1840-х гг., еще раз отметим, неотделима от рефлексии о творчестве. Сами «Выбранные места...» — в этом контексте — становятся своеобразным путешествием по России, но путешествием, участвуя в котором, читатель познает и нового автора, и одновременно самого себя: как «гражданина земли своей» и как «внутреннего человека».

Первый том «Мертвых душ» дал знать русскому человеку, что есть «тьма и пугающее *отсутствие света*» [9, с. 294]. (Здесь и далее курсив автора цитируемых строк.) Новая книга, по-своему усиливая это впечатление («Боже! пусто и страшно становится в твоём мире» [9, с. 416]), вместе с тем дает каждому знать, что «всякое званье и место требует богатырства <...> все места святы...» [9, с. 291–292]. Служение России мыслится и как следствие любви к ней, и одновременно — как путь к любви. Любовь же к отечеству в гоголевском контексте предстает и как обретение любви в евангельском смысле: «...Не полюбивши России, не полюбите вам своих братьев, а не полюбивши своих братьев, не возгореться вам любовью к Богу, а не возгоревшись любовью к Богу, не спасетесь вам» [9, с. 301]. Этими словами завершается глава «Нужно любить Россию», и поскольку в следующей тезис «нужно проехать по России» вынесен в заглавие, можно сказать, что мотив «проехать по России» в книге Гоголя приобретает онтологический смысл: проехать означает проехать с любовью и укрепить любовь к ближнему, и «возгореться любовью к Богу». В понимании писателя, и реальные путешествия, совершаемые по России, и описание их могут иметь этот смысл — приобщения к тем духовным ценностям, которые в конечном итоге указывают путь к Светлому Воскресенью.

Гоголевская книга знаменует некий рубеж в осмыслении и описании поездок как по «чужим», так и по своим «краям». Она потенциально направлена на то, чтобы изменить ставший традиционным вектор поездок: путешествия по России утвердить как альтернативу путешествиям по Западной Европе. Чтобы это произошло, должно наполнить поездки по своей стране не меньшим, а, может быть, и большим смыслом, чем путешествия в чужие края, столь популярные в первой половине XIX столетия. Европе, воспринимаемой как «страна святых чудес», объективно оказывается противопоставлена Россия в ее духовных возможностях. Знаменательны гоголевские сопоставления-антитезы и лексика, используемые в тех случаях, когда заходит речь о России. Тезис «нет выше званья как монашеское» [9, с. 301], заявленный в самом начале главы «Нужно проехать по России», достаточно скоро сменяется, вернее, преобразуется в другой — «Монастырь ваш — Россия» [9, с. 301].

Путешествие по России в данном контексте уравнивается с путешествиями по святым местам, но это и не паломничество в традиционном его понимании. В. А. Воропаев и Ю. В. Манн обратили внимание на то, какое место в жизненном и творческом пути Гоголя заняли задуманные и осуществленные им поездки по святым местам: писатель собирался поехать на Афон, совершил паломничество в Иерусалим, не раз бывал в Оптиной пустыни и Троице-Сергиевой лавре [6, с. 50–64; 16, с. 278–302]. Однако в «Выбранных местах...» сказано, что, прежде чем получить доступ к «желанной обители», к подлинным монастырям, нужно «проехать по России». Гоголь ставит рядом и тем уподобляет друг другу разные понятия. Советуя, даже наказывая совершать путешествия по России, он одновременно советует облечь себя, хотя бы «умственно», «ризой чернеца» [9, с. 301], который способен, «всего себя умертвивши для себя», не просто «проехать по России», набираясь разных знаний, а совершить акт иного — духовного — по-

рядка. Гоголем задается новая парадигма путешествия по России: «Ступайте **подвизаться** в ней» [9, с. 301].

То, что потребно, необходимо в России, не имеет смысла в поездках по «чужим краям». Путешествие по российским пространствам в данном контексте предстает как форма самоосуществления человека, который, подобно монаху, прежде чем вступить в «желанную обитель», должен отречься от себя прежнего. Так и писатель, призванный к духовному подвигу, по Гоголю, подвергается переосмыслению свое творчество и практически отрекается от него. Таким образом, поездка по России дает возможность если не отождествить, то сблизить заботу о собственном духовном восхождении и заботу о преобразении России. Поэтому Гоголь включает в книгу (и именно в главу «Нужно проездиться по России») эпизод из древнерусской истории, нашедший отражение и в отечественной словесности: о благословении преп. Сергием Радонежским монахов на участие в битве с врагами Руси. Воскликание: «Друг мой! или у вас бесчувственно сердце, или вы не знаете, что такое для русского Россия» продолжено в «Выбранных местах...» следующим образом: «Вспомните, что когда приходила беда ей, тогда из монастырей выходили монахи и становились в ряды с другими спасать ее. Чернецы Ослябля и Пересвет, с благословенья самого настоятеля, взяли в руки меч, противный христианину, и легли на кровавом поле битвы, а вы не хотите взять поприща мирного гражданина, и где же? — в самом сердце России» [9, с. 301–302].

Гоголь, устанавливая связь разных эпох в отечественной истории, заключает: «Разве мало мест и поприщ в России? Оглянитесь и осмотритесь хорошенько, и вы его отыщете. Вам нужно проездиться по России» [9, с. 303]. Культурное путешествие созерцателя, пройденное и им самим в 1830-е гг., Гоголь оставляет в прошлом. Путешествие по России требует максимальной активности личности, не только интеллектуальной,

направленной на познание отечества, но и духовной. В Европу отправлялись, познакомившись с многочисленными источниками, содержащими описание знаковых культурных мест. Россию приходится изучать почти с чистого листа, но для того, чтобы и «проездиться», и полюбить ее, нужно чистое сердце, нужно «выбросить», как сказано в книге, все те мнения, которые высказывались о ней европейцами, побывавшими здесь, и, отыскивая себе «поприще», знакомиться не с привычными достопримечательностями, не столько с «архитектурными строениями древности», сколько с людьми. «Велико незнание России посреди России. Всё живет в иностранных журналах и газетах, а не в земле своей» [9, с. 308]. Позиция автора, пока лишь мысленно путешествующего по России (а Гоголь намеревался и реально «проездиться по ней», что осуществил лишь отчасти), и заключается в этом открытии взора своих читателей, направленности его, с одной стороны, на Россию, с другой, еще раз отметим, на себя.

Если взор обычного путешественника обращен вовне, то Гоголь готов помочь человеку «обратить взгляд на самого себя» [9, с. 307]. Подобное «путешествие» по России может открыть человеку, убежден автор «Выбранных мест...», «такие христианские подвиги», каких не встретишь «в самом монастыре» [9, с. 304]. Поездки по России в итоге, если не уподобляются, то функционально сближаются с паломничеством.

В «Авторской исповеди», объясняя свой отъезд в Западную Европу в 1836 г., Гоголь констатировал, уже с учетом более позднего опыта: «Я знал только, что еду вовсе не затем, чтобы наслаждаться чужими краями, но скорей, чтобы натерпеться, точно как бы предчувствовал, что узнаю цену России только вне России и добуду любовь к ней только вдали от нее» [9, с. 450]. Вспоминая же недолгие свои возвращения в Россию из Европы, признавался: «...во все пребыванье мое в России Россия у меня в голове рассеивалась и разлеталась. Я не мог никак ее собрать

в одно целое; дух мой упал, и самое желанье знать ее ослабевало. Но как только я выезжал из нее, она совокуплялась вновь в моих мыслях целой, желанье знать ее пробуждалось во мне вновь, и охота знакомиться со всяким свежим человеком, недавно выехавшим из России, становилась вновь сильна» [9, с. 451–452]. Поэтому можно сказать, что между поездками по Европе и по России Гоголь усматривал особую, чуть ли не провиденциальную связь. Может быть, и других путешественников по «чужим краям» писателю хотелось бы мысленно, сердечно, а не только пространственно «вернуть» в Россию, обратить мысли их к «существу» и «особенности» русской жизни.

В декабре 1847 г. Гоголь просит С. П. Шевырева купить для своего племянника, Н. П. Трушковского, книги: «путешествия по России, история России и все такие книги, которые без скуки могут познакомить собственно со статистикой России и бытом в ней живущего народа, всех сословий» [10, с. 413] — и добавляет: «... Если в нем чтем этих книг возбудится желанье любить и знать Россию, то это все, что я желаю...» [10, с. 414].

Описания путешествий по России публикуются в конце 1830-х — начале 1840-х гг., но все они в той или иной мере довольно поверхностны и грешат тем же, что и многие описания путешествий с зарубежной тематикой подражательного характера: они ориентированы на краткую характеристику городов, описание достопримечательностей и дороги. Например, М. П. Жданов, петербургский чиновник, путешествовавший «не теряя ничего по службе и даже с пользой для нее», пишет, что решил вести записки, потому что «у нас так мало писано и пишется о России, что и что-нибудь может заслужить внимание» [13, с. 1]. На что В. Г. Белинский возражает: «То есть, другими словами, это значит, что у нас-де так еще мало смыслят, что если я и вздор напишу, то и это должно быть принято с уважением» [4, с. 25–26]. Критиком отстаивается мысль, что путешествие, со-

вершенное без определенной подготовки, без знаний жизни во многих ее сферах и интереса к окружающему, становится бесполезным, и публиковать заметки, содержащие сухую статистику, не стоит.

Надо отметить, что уже в конце 1840-х — начале 1850-х гг. путешествия по России получили более глубокое осмысление. Можно сказать, что гоголевская интенция «проездиться по России» совпадала с общим зарождавшимся интересом к изучению своего отечества и народа. В 1840–1850-е гг. литература путешествий обрела второе дыхание после некоторого спада, который произошел в 1830-е гг. 1839 г. «отмечен резким оживлением угасавшего было интереса к жанру “путешествий” и потому представляет собой веху в истории жанра. 1855 г. знаменует собой конец литературной эпохи, которая характеризуется зарождением, расцветом и господством натуральной школы и, следовательно, тоже представляет собой важную веху в истории жанра, захваченного мощным влиянием этого литературного течения» [20, с. 17]. Интерес к всевозможным путевым заметкам начала проявлять литературная критика; требования к оригинальному путешествию, которые появляются в рецензиях, заключались в том, «чтобы читателю представляли не легковесные описания личных приключений, не мимоходом брошенные замечания, а результаты вдумчивого, целенаправленного и добросовестного изучения страны и ее народа» [20, с. 24].

Все вышесказанное в большей степени относится к путешествиям за границу, но «прогулки по губерниям» также не были оставлены без внимания. Белинский считал, что русский путешественник за границей не пытается должным образом узнать страны и народы [3, с. 57–58]. Эти слова во многом перекликаются с убеждениями Н. В. Гоголя о том, как нужно проездиться именно по России. Он, так же как и Белинский, был уверен, что основная достопримечательность — это люди: «Клянусь, человек стоит того, чтоб его рассматривать с большим любопытством,

нежели фабрику и развалину. Попробуйте только на него взглянуть, вооружась одной каплей истинно братской любви к нему, и вы от него уже не оторветесь — так он станет для вас занимателен» [9, с. 303].

Описания путешествий конца 1840-х — начала 1850-х гг. демонстрируют, что многие путешественники стали осознанно подходить к поездке и публикации записок. Теперь авторы собираются «проехаться по России» не по служебной надобности, попутно записывая свои впечатления о городах, а с познавательными целями. Но если возвратиться к тезису Гоголя, то надо признать, что он не был воплощен в полной мере в этот период. Правда, можно обратить внимание на книгу С. П. Шевырева «Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь», в которой призыв Гоголя в некотором смысле был реализован.

Шевырев описал свое путешествие по северным областям России, совершенное им в 1847 г. Он попытался донести до читателя значимость таких поездок, уже во введении подвергнув критике «поклонников Запада», которые «готовы осмеять даже мысль о путешествии по России» [23, с. 3]. Автор задается вопросом, почему все стремятся выпустить свои заметки о поездке по Европе, но не путешествуют в полном смысле этого слова по России. И сам же на него отвечает: «...эта причина, надобно с ними согласиться, самая основательная; она состоит в недостатке комфорта — великого плода европейской цивилизации, столько лестного самолюбию нашей человеческой природы. Справедливо говорят: в России можно только ездить по делам, а путешествовать нельзя» [23, с. 3]. Распространенное мнение о невозможности путешествия по России говорит все же об интересе к этой теме со стороны общественности и желании перемен. Сам Шевырев не один раз был за границей, подолгу жил в Италии, где вел дневник, однако в качестве книги он выпустил именно свои заметки о поездке по России. То обстоятельство, что свой отдых Шевырев провел в путешествии по России, свидетельствует

о тенденции к уравниванию по значимости путешествий российской и европейской тематики в русском обществе того времени.

Известный публицист, общественный деятель Иван Сергеевич Аксаков, много времени проводивший в поездках по служебным делам, также затрагивал вопрос о внутренних путешествиях. Свое отношение к путешествиям по родной стране он высказывал в письмах к родным и друзьям, которые можно считать своеобразным дневником. Аксаков воспринимал службу как возможность объездить страну и даже отказался от перспективного назначения ради этого: «Да я не хочу и вице-директорства, и не хочу связывать себя неразрывно с Петербургом. Я хочу ездить по России и только» [1, с. 472]. Пожалуй, его взгляд оказался наиболее близок к гоголевскому: поездки по стране — лучший способ узнать свой народ, родную культуру. В письме Аксаков рассказывает о своем знакомом, который странствует один по России и во многом одобряет такой способ путешествия: «Однако, несмотря на это, он скорее нас решил на такое дело, к которому мы, толкующие о народе, приступить не можем. Именно — путешествие пешком по России под видом богомольца. Если я не поеду в чужие края, то на будущий год отправлюсь пешком в Киев, разумеется, не для богомолья, но так, ради путешествия и любознательности» [1, с. 304].

Среди описаний путешествий по России этого периода особое внимание следует уделить географическим очеркам Константина Дмитриевича Ушинского, которые публиковались практически десятилетие, с 1848 по 1861 г. Ему удалось органично объединить в своих очерках наблюдения о природе, жизни людей, их быте, истории и в то же время представить эти данные в занимательной форме. О поездках Ушинского по России известно не слишком много, исследователи не придавали им большого значения, в отличие от его зарубежных путешествий. Известно, что еще во время обучения в университете он стремился к историко-географическим

исследованиям страны, и эти стремления во многом нашли отражение в его поездках в более позднее время. В обзорах и рецензиях на научные исследования северных районов России он доказывал, что вся страна достойна внимания исследователя и путешественника: «Неужели в середине России, промышленной, деятельной, посреди бесчисленных русских племен и наречий, на этой прекрасной равнине, на которой природа, кажется, старалась примирить все противоречия границ, нет ничего достойного внимания? Или все уже так подробно и хорошо описано, что нечего более описывать? Но находят же возможность и в настоящее время путешествовать, и путешествовать интересно, по Англии, каждый клочок которой измерен, срисован тысячу раз, — чуть ли не взвешен» [21, с. 11]. В очерке «Поездка за Волхов» он раскрывает свое отношение к путешествиям по России и их описаниям в диалоге с попутчиком, который «без отдыха колесил по России из одного края в другой»:

«— Я удивляюсь вам, как вы находите пищу для любознательности в бесконечных вояжах по этой однообразной равнине?»

Аркадий Петрович грустно покачал головой и на минуту задумался.

— Странные для меня все вы, господа! — проговорил он наконец. — Однообразная равнина, да однообразная равнина! Затвердили одно, да на этом и остановились.

— Ну право же, Аркадий Петрович, вы должны сознаться, что разнообразие не слишком велико. Граф Соллогуб несколько прав, говоря, что у нас ездят, а не путешествуют» [21, с. 38].

Но позже собеседники приходят к выводу, что Россию считают неинтересной только из-за ее неизученности и недостатка действительно интересных сочинений о внутренних путешествиях: «Подобной географии у нас, можно сказать, нет, потому что я и не смею назвать этим именем учебников, в которых ничего нет, кроме номенклатуры гор, рек и городов и сведений о числе кирпичных и кожевенных заводов; путешествия,

помнится, есть и у нас кое-какие, но все они стары, написаны дубоватым слогом русско-немецкой учености, и едва ли многие знают даже имена их авторов, а описаний... описаний у нас много, но они хоронятся в журналах» [21, с. 39]. Ушинский, таким образом, призывает ученых к серьезному и систематическому исследованию всех губерний империи, а простого путешественника — к более внимательному взгляду на свою страну.

Можно сделать вывод, что описания путешествий по России в 1840–1850-е гг., при всей их разнородности, отличиях по форме и содержанию, направлены на достижение культурных и познавательных целей. В зависимости от своего мировоззрения, склонностей и увлечений авторы больше внимания уделяли какой-либо одной составляющей, однако старались достичь баланса и в других направлениях. Но главным достижением этих травелогов можно назвать содержащиеся в них размышления о значимости путешествий по родному пространству и попытки донести эти идеи до общественности.

Несмотря на возрастающий интерес к травелогам со стороны исследователей в различных областях науки, в школьной программе изучаются лишь самые известные произведения, например «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Во многом причиной является тот факт, что авторы травелогов часто не были профессиональными литераторами или не входят в список писателей первого ряда. Однако стоит переосмыслить роль таких произведений в школьном изучении. Известно, что травелог находится на границе истории и литературы, поэтому при его изучении будет уместен междисциплинарный подход. Литература путешествий «с трудом поддается определению, представляя пестрое разнообразие форм, тем и установок» [24, с. 10], но в описаниях путешествий по России можно заметить общую черту — интерес к отечественной истории. Записки о путешествиях в большей или меньшей степени являются историческими источ-

никами, так как для них характерна установка на документальность. В них содержится различная информация: описание распространённых маршрутов, обстановки в городах, природных ландшафтов, жизни различных слоев населения, их быт. Авторы пытались гармонично сочетать также историческое прошлое России и ее настоящее. Из этих многочисленных деталей и складывается наиболее ценное свойство травелога — он предоставляет читателям возможность ближе познакомиться с историческим контекстом определенного периода, понять отношение представителей русского общества к событиям в своей стране и за границей.

Для изучения литературы путешествий в школе и в вузе в первую очередь необходимо составить список произведений, в которых наиболее ярко проявляются черты данного жанра. Можно начать изучать травелог именно в средней школы, подбирая произведения в соответствии с возрастом учащихся. Анализ таких произведений будет способствовать развитию у подростков наблюдательности, интереса к различным регионам своей стра-

ны. Например, вышеупомянутые географические очерки К. Д. Ушинского в занимательной форме раскрывают историю края, по которому он путешествует, знакомят с этнографией, бытом местных жителей. Чтение таких произведений положительно повлияет и на расширение читательского кругозора школьников. Большинство авторов довольно известных травелогов занимали в обществе значимое положение, были известными людьми в определенных кругах. Поэтому знакомство с их биографией будет способствовать более глубокому пониманию творческой индивидуальности автора, привлечет внимание к особенностям культурно-исторического контекста. Таким образом, изучение травелога школьниками благоприятно отразится на их понимании как литературы, так и отечественной истории. В вузовской практике знакомство с литературой путешествий поможет расширить представления студентов об историко-литературном процессе, задуматься о характере отношений художественной литературы и докуменалистики, беллетристики и классики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849. М.: Наука, 1988. 704 с.
2. Барабаш Ю. Я. Гоголь. Загадка «Прощальной повести» («Выбранные места из переписки с друзьями»). Опыт непредвзятого прочтения). М.: Художественная литература, 1993. 269 с.
3. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. М., 1953–1956. Т. 6: Статьи и рецензии, 1842–1843. 797 с.
4. Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. М., 1953–1956. Т. 7: Статьи и рецензии. 1843. Статьи о Пушкине. 740 с.
5. Борисов Н. С. Повседневная жизнь русского путешественника в эпоху бездорожья. М., 2010. 439 с.
6. Воропаев В. А. Гоголь над страницами духовных книг. М.: Макариевский фонд, 2002. 208 с.
7. Гиппиус В. В. Гоголь. Зеньковский В. В. Н. В. Гоголь. СПб.: Logos, 1994. 344 с.
8. Глушков И. Ф. Ручной дорожник для употребления на пути между императорскими всероссийскими столицами, дающий о городах, по оному лежащих, известия исторические, географические и политические. СПб., 1801. 111 с.
9. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. Б.м.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. VIII.
10. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. Б.м.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. XII.
11. Гончаров С. А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1997. 340 с.
12. Гуминский В. М. Открытие мира, или Путешествия и странники. М.: Современник, 1987. 286 с.
13. Жданов М. П. Путевые записки по России, в двадцати губерниях: С.-Петербургской, Новгородской, Тверской [и др.]. СПб., 1843. 214 с.
14. Кокс У. Путевые записки от Москвы до Санкт-Петербурга одного англичанина в царствование императрицы Екатерины II, заключающие в себе весьма любопытные сведения, относящиеся к России в XVIII столетии / пер. с франц. М., 1837. 64 с.

15. Кузьмина М. Д. Русский европеизм в зеркале литературы. От древнерусских хождений к «Былому и думам» А. И. Герцена. СПб.: Росток, 2018. 304 с.
16. Манн Ю. В. Гоголь. Книга третья. Завершение пути. 1845–1852. М.: РГГУ, 2013. 497 с.
17. Миллер Г. Ф. Сочинения по истории России. М., 1996. 447 с.
18. Милюгина Е. Е., Стrogанов М. В. Русская культура в зеркале путешествий. Тверь, 2013. 176 с.
19. Николай Первый. Рыцарь самодержавия / сост., вступ. ст. и коммент. Б. Тарасова. М., 2007. 418 с.
20. Проценко Е. Г. Литература «путешествий» в России в 1840–1850-е гг.: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984. 220 с.
21. Ушинский К. Д. Поездки по России. Ярославль, 1969. 143 с.
22. Храповицкий А. В. Журнал высочайшего путешествия ее величества государыни императрицы Екатерины II, самодержицы всероссийской, в полуденные страны России в 1787 году. М., 1787. 137 с.
23. Шевырев С. П. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь: Вакационные дни проф. С. Шевырева в 1847 г.: в 2 ч. Ч. 1. М., 1850. 158 с.
24. Шёнле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий 1790–1840. СПб., 2004. 271 с.

REFERENCES

1. Aksakov I. S. Pis'ma k rodnym. 1844–1849. М.: Nauka, 1988. 704 s.
2. Barabash Yu. Ya. Gogol'. Zagadka «Proshchal'noy povesti» («Vybrannye mesta iz perepiski s друз'ями»). Опыт nepredvyzatogo prochteniya). М.: Hudozhestvennaya literatura, 1993. 269 s.
3. Belinskiy V. G. Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t. М., 1953–1956. Т. 6: Stat'i i retsenzii, 1842–1843. 797 s.
4. Belinskiy V. G. Poln. sobr.e soch.: v 13 t. М., 1953–1956. Т. 7: Stat'i i retsenzii. 1843. Stat'i o Pushkine. 740 s.
5. Borisov N. S. Povsednevnyaya zhizn' russkogo puteshestvennika v epohu bezdorozh'ya. М., 2010. 439 s.
6. Voropaev V. A. Gogol' nad stranitsami duhovnyh knig. М.: Makarievskiy fond, 2002. 208 s.
7. Gippius V. V. Gogol'. Zen'kovskiy V. V. N. V. Gogol'. SPb.: Logos, 1994. 344 s.
8. Glushkov I. F. Ruchnoy dorozhnik dlya upotrebleniya na puti mezhdru imperatorskimi vsrossiyskimi stolitsami, dayushchiy o gorodah, po onomu lezhashchih, izvestiya istoricheskie, geograficheskie i politicheskie. SPb., 1801. 111 s.
9. Gogol' N. V. Poln. sobr. soch.: v 14 t. B.m.: Izd-vo AN SSSR, 1952. Т. VIII.
10. Gogol' N. V. Poln. sobr. soch.: v 14 t. B.m.: Izd-vo AN SSSR, 1952. Т. XII.
11. Goncharov S. A. Tvorchestvo Gogolya v religiozno-misticheskom kontekste SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 1997. 340 s.
12. Guminskiy V. M. Otkrytie mira, ili Puteshestviya i stranniki. М.: Sovremennik, 1987. 286 s.
13. Zhdanov M. P. Putevye zapiski po Rossii, v dvadtsati guberniyah: S.-Peterburgskoy, Novgorodskoy, Tverskoy [i dr.]. SPb., 1843. 214 s.
14. Koks U. Putevye zapiski ot Moskvy do Sankt-Peterburga odnogo anglichanina v tsarstvovanie imperatritsy Ekateriny II, zaklyuchayushchie v sebe ves'ma lyubopytnye svedeniya, otnosyashchiesya k Rossii v XVIII stoletii / per. s frants. М., 1837. 64 s.
15. Kuz'mina M. D. Russkiy evropeizm v zerkale literatury. Ot drevnerusskih hozhdeniy k «Bylomu i dumam» A. I. Gertsena. SPb.: Rostok, 2018. 304 s.
16. Mann Yu. V. Gogol'. Kniga tret'ya. Zavershenie puti. 1845–1852. М.: RGGU, 2013. 497 s.
17. Miller G. F. Sochineniya po istorii Rossii. М., 1996. 447 s.
18. Milyugina E. E., Stroganov M. V. Russkaya kul'tura v zerkale puteshestviy. Tver', 2013. 176 s.
19. Nikolay Pervyj. Rytsar' samoderzhaviya / sost., vstup. st. i komment. B. Tarasova. М., 2007. 418 s.
20. Protsenko E. G. Literatura «puteshestviy» v Rossii v 1840–1850-e gg.: dis. ... kand. filol. nauk. L., 1984. 220 s.
21. Ushinskiy K. D. Poezdki po Rossii. Yaroslavl', 1969. 143 s.
22. Hrapovitskiy A. V. Zhurnal vysochayshego puteshestviya ee velichestva gosudaryni imperatritsy Ekateriny II, samoderzhitsy vsrossiyskoy, v poludennye strany Rossii v 1787 godu. М., 1787. 137 s.
23. Shevyrev S. P. Poezdka v Kirillo-Belozerskiy monastyr': Vakatsionnye dni prof. S. Shevyreva v 1847 g.: v 2 ch. Ch. 1. М., 1850. 158 s.
24. Shenle A. Podlinnost' i vymysel v avtorskom samosoznanii russkoy literatury puteshestviy 1790–1840. SPb., 2004. 271 s.